Ботряков, когда я плачу

Визбор, Чукотка

Источник тут: http://zhurnal.lib.ru/b/botrjakow_g_w/plath.shtml

Медицина утверждает, что плакать полезно. Вот маленькие дети плачут ежедневно, да по нескольку раз и как ведь быстро развиваются, прямо-таки ударными темпами! А взрослые почти не делают этого, - так, изредка, и нерегулярно. Потому, наверное, с годами не умнеют, так и топчутся в своём развитии на уровне 14-15-ти лет, добавляя только знания и опыт, но отнюдь не ум.

Достаточно давно, наверное, лет десять назад, ещё при Владимире Ворошилове, в Клубе Знатоков "Что, Где, Когда?" телезрители задали знатокам очередной вопрос. Не ручаюсь за точность, но смысл его был таков: "Каким образом актёры в сценах, когда им нужно заплакать, или просто сделать так, чтобы слёзы потекли из глаз, добиваются этого эффекта". Не помню, как ответили знатоки, - как-то очень заковыристо, но неправильно. Я же ответ знал изначально: нужно оживить в памяти какую-либо ситуацию, из своей ли жизни, или вычитанную из книг, погрузиться в неё и тогда слёзы потекут, как это предписано сценарием. Не то, чтобы я об этом где-то читал, или обучался актёрскому искусству, - как и до многого другого я дошёл самостоятельно, на личном опыте, эмпирически, так сказать.

Попалась мне как-то книга Е.Евтушенко под названием "Мама и нейтронная бомба и другие поэмы". Одна из поэм была с коротким названием "Фуку" с ударением на втором "у". Написана она была не так, как все, - поэтические в ней строки чередовались с прозой, действие переносилось из одной страны в другую, с одного континента на противоположный, пока не оказалось на станции "Зима", где Евгений Александрович снимал свой фильм о далёком своём детстве.

Перейдя в очередной раз на прозу, он описал одну сцену съёмки. С позволения читателей и без позволения нашего известного поэта, - думаю, он мне это простит, если узнает об этом факте, что вряд ли, - приведу её полностью.

"Актриса не могла разломить краюху хлеба так, как её разломила когда-то сибирская крестьянка на перроне. Актриса очень старалась, но в пальцах была ложь. И тогда за плечом оператора я увидел в толпе любопытных старуху. У неё были глаза женщины, отстоявшей в тысячах очередей. Её не нужно было переодевать, потому что в восемьдесят третьем году она была одета точно так же, как одевалась в сорок первом.

- Может быть, попробуете вы? - тихо спросил я.

Она взяла узелок с краюхой и присела на мешок, прислонённый к бревенчатой стене железнодорожного склада. Не обращая никакого внимания на стрёкот включившейся камеры, она не просто посмотрела на стоявшего перед ней мальчика, а увидела его, и поняла, что он - голодный.

- Иди сюда, сынок, - не произнесла, а вздохнула она и стала развязывать узелок. Она разламывала хлеб, чувствуя каждую его шершавинку пальцами. Точно разделив пополам краюху, она протянула её мальчику так, чтобы не обидеть жалостью. А потом, легонько поправив левой рукой седые волосы, выбившиеся из-под платка, поднесла правую ладонь ко рту лодочкой так, чтобы не выпало ни одной крошки! - слизнула их, неотрывно глядя на жадно жующего мальчика, и наконец-то не преодолела жалости, всё-таки прорвавшейся из полыхнувших мучительной синевой глаз. Оператор заплакал, а у меня исчезло ощущуние границ между временами, между людьми, как будто передо мной была та самая сибирская крестьянка из моего детства, протягивающая не половину краюхи той же самой рукой с тёмными морщинами на ладони, с бережными бугристыми пальцами, на одном из которых тоненько светилось дешёвенькое алюминиевое колечко..."

Я заплакал одновременно с оператором и делаю это всякий раз, когда читаю эти строки, и даже при воспоминаниях о них, и пока я набирал эти строки я тоже плакал, не могу я это читать без слёз, потому что всякий раз я представляю свою старенькую маму и самого себя, когда был маленьким мальчиком.

Плачу я всегда также, когда слушаю песню Визбора "Чукотка". Наверное, Юрий Иосифович, зашифровал в ней что-то такое, что я не могу слушать или петь без спазм в горле, ни разу мне не удалось её допеть до конца. Не буду голословным.

"Мы стояли с пилотом ледовой проводки,
С ледокола смотрели на гаснущий день.
Тихо плыл перед нами белый берег Чукотки
И какой-то кораблик на зелёной воде.
Там стояла девчонка, по-простому одета,
И казалось, в тот вечер ей было легко,
И, рукой заслонившись от вечернего света,
С любопытством глядела на наш ледокол.
Вот и всё приключенье. Да и вспомнить - чего там?
Пароходик прошлёпал, волнишка прошла,
Но вздохнул очень странно командир вертолёта,
Философски заметив: "Вот такие дела".
Ледокол наш за старость из полярки списали,
Вертолётчик женился, на юге сидит.
Да и тот пароходик все ходит едва ли,
И на нём та девчонка едва ли стоит.
А потом будут в жизни дары и находки,
Много встреч, много странствий и много людей...
Отчего же мне снится белый берег Чукотки
И какой-то кораблик на зелёной воде?"

"Вот и всё приключенье", но почему-то на втором куплете на глазах у меня наворачиваются слёзы и после этого я уже никакой не певец, голос срывается, потому лучше мне и начинать петь эту песню, хоть я и знаю все её аккорды.

From:
http://wiki.osll.ru/ - **Open Source & Linux Lab**

Permanent link:
http://wiki.osll.ru/doku.php/etc:blogs:kkv:%D0%B1%D0%BE%D1%82%D1%80%D1%8F%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%B4%D0%B0_%D1%8F_%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%87%D1%83?rev=1197506700

Last update: **2008/01/03 02:32**